

ИСТОРИЯ

УДК 314.93

ЭВОЛЮЦИЯ АРЕАЛА РАССЕЛЕНИЯ ФИННОВ- ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ю. А. Ступин*

На основе материалов Всероссийских и Всесоюзных переписей населения СССР и России 1959—2010 гг., текущих данных Департамента статистики Эстонии исследованы пространственные аспекты динамики этнического ареала финнов-ингерманландцев в пределах основной территории их проживания. Для решения поставленных задач широко использованы этностатистические данные на районном и низовом уровнях административно-территориального деления. Показан значительный рост темпов деградации ингерманландского ареала расселения в постсоветский период, выявлены факторы, способствовавшие этому; рассмотрены межрайонные различия темпов депопуляции и ассимиляции российских финнов.

Результаты проведенного исследования позволяют в значительной степени актуализировать и детализировать имеющиеся сведения о пространственной организации финского населения России на территории Северо-Западного региона.

Ключевые слова: финны-ингерманландцы, этническое расселение, Северо-Запад России

Цель настоящей работы — выявить и охарактеризовать новейшие тенденции этнодемографического развития российских и эстонских финнов и связанной с ними эволюции ареала расселения данной этнотерриториальной группы.

Этнодемографическая и этногеографическая проблематика занимает важное место в отечественном финно-

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9

Поступила в редакцию 15.05.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-7

© Ступин Ю. А., 2014

угроведении¹. Раунд переписей населения 2010 г. дает исследователям большой объем нового этностатистического материала, нуждающегося в обобщении и интерпретации. С учетом малочисленности исследуемой этнотерриториальной группы важное значение имеет анализ материалов районного и низового уровня административно-территориального деления. По мнению автора настоящей статьи, такого рода материалы недостаточно широко используются в этногеографических исследованиях. Вероятно, это связано с традиционной, идущей с советских времен труднодоступностью статистических данных (не только касающихся этнической статистики) районного и низового уровня.

Автор настоящей статьи ранее обращался к данной тематике применительно к финнам Ленинградской области и Санкт-Петербурга [18]. Однако автору не удалось воспользоваться даже региональными итогами переписи 2002 г. из-за чрезмерной задержки их публикации. Материалы, появившиеся после выхода названной работы, позволяют актуализировать и значительно расширить сведения о состоянии и развитии этнического ареала российских финнов.

Напомним, что российские финны (финны-ингерманландцы) — малочисленный субэтнос финнов, ведущий свою историю от мигрантов из Финляндии, переселившихся в XVII в. на территории, отошедшие от России к Швеции по Столбовскому мирному договору (1617) и в дальнейшем не вошедшие в состав Великого княжества Финляндского. Политическая обособленность стала одним из наиболее важных факторов и этнокультурной обособленности ингерманландских финнов от финнов-суоми. Вопрос о том, стали ли ингерманландцы в результате этого самостоятельным этносом, является дискуссионным, но для нашей темы он не принципиален. Учитывая, что подавляющее большинство проживающих на постсоветском пространстве финнов — именно потомки иммигрантов XVII в., в настоящей работе этнонимы «финны» и «финны-ингерманландцы» употребляются как синонимы.

В ходе миграций XVII столетия финны расселились преимущественно на территории, ныне составляющей центральную часть Ленинградской области (ЛО). Наиболее крупные очаги расселения финнов сформировались на Карельском перешейке (современный Всеволожский район) и на северо-восточной окраине Ижорской возвышенности (нынешний Гатчинский район и часть Ломоносовского). Значительное количество их проживало и в других районах Ижорской земли (Ингерманландии). В современных границах это Волосовский, Кингисеппский и Кировский районы. Здесь, однако, удельный вес финнов был несколько ниже, они расселялись чересполосно с другими народами — ижорой, водью, русскими, а позже и эстонцами.

Финская популяция на территории ЛО сохраняла многочисленность и устойчивость до 30-х гг. XX в., после чего начала испытывать негативные демографические тенденции. Основная причина этого — усиление масштабов внутренних миграционных процессов в СССР,

¹ Из новейших работ по данной тематике см., напр.: [1; 3; 9; 20 и др.].

которое привело к широкому распространению экзогамной брачности. За ним неизбежно последовало развитие процессов генетической ассимиляции. Однако влияние данного фундаментального процесса было значительно усилено действием еще двух факторов, которые способствовали резкому ускорению процессов деструкции финского ареала расселения:

1) события Великой Отечественной войны, приведшие к этнодемографической катастрофе среди финнов-ингерманландцев. Одна часть финнов оказалась в кольце Ленинградской блокады, другая — на оккупированной немцами территории, что привело к тяжелейшим демографическим потерям;

2) репрессивная политика советских властей по отношению к финнам, которые рассматривались как неблагонадежные и в течение 1930-х — 1940-х гг. постепенно были выселены из Ленинградской области. Последним аккордом этой политики стало удаление финнов из ЛО в 1947 г., после чего на территории области осталось всего 5,7 тыс. финнов и еще 0,5 тыс. — в Ленинграде (в 1939 г. — соответственно 106,7 и 7,9 тыс.). Ограничения на въезд в регион были сняты во второй половине 1950-х гг., однако на территорию ЛО вернулась лишь часть высланных ингерманландцев.

Результатом описанной политики стала коренная трансформация финской этнической территории: вместо монолитного ареала в центральной и западной частях ЛО формируются три пространственно разобщенных очага расселения народа — в Карелии, ЛО и Эстонии². К этому добавлялось множество мелких компактных групп финского расселения, «маркировавших» территории проживания финнов-спецпоселенцев и репатриантов. Ни в одном из этих регионов финны практически не образовывали крупных территориальных группировок, «растворяясь» в русском этническом окружении. В таких условиях процессы генетической ассимиляции не могли не ускориться, что неминуемо повлекло за собой рост темпов сокращения численности народа.

С середины 1960-х гг. резко ухудшилась демографическая ситуация в популяции. По подсчетам С. А. Хрущёва [1], в период с 1959 по 2000 г. в «ингерманландских» районах ЛО родилось 2784 финна, а умерло 6437. Данные эти, по всей видимости, неполные, но соотношение рождаемости и смертности они, думается, отражают вполне адекватно. Появившаяся в 1960-х гг. депопуляция стабильно увеличивалась в последующие десятилетия и внесла весомый вклад в эрозию традиционного ареала расселения финнов (табл. 1).

Таблица 1 наглядно демонстрирует ход процесса разрушения финской популяции на территории региона. За 30 лет численность этноса уменьшается на 41%, а в ингерманландских районах — на 43,7%. Межрайонные различия масштабов убыли довольно велики, хотя, по видимому, объясняются лишь случайными факторами. Нельзя не отме-

² Историю формирования этих очагов подробнее см., напр., в [10].

тить резко возросшую численность финнов в Ленинграде — за 30 лет она увеличилась более чем на 70 %. Разумеется, город выполнял роль «плавильного котла» для ингерманландцев: переезжая в Ленинград, они очень быстро ассимилировались. Численность живущих в столице области финнов достигла максимума в 1970-е гг., а затем также начала сокращаться.

Таблица 1

**Динамика численности и размещения финского населения
Ленинградской области в 1959—2010 гг.**

Район	1959	1989		2002		2010	
		чел.	% к 1959	чел.	% к 1989	чел.	% к 2002
Волосовский	2150	766	35,6	431	56,3	253	58,7
Всеволожский	3974	2874	72,3	2058	71,6	1078	52,4
Гатчинский	8525	4803	56,3	3319	69,1	1890	56,9
Кингисеппский	874	466	53,3	315	67,6	167	53,0
Кировский	461	305	66,2	197	64,6	102	51,8
Ломоносовский*	2433	1188	48,8	762	64,1	442	58,0
Тосненский	845	445	52,7	253	56,9	125	49,4
<i>Итого</i>	<i>19 262</i>	<i>10 847</i>	<i>56,3</i>	<i>7335</i>	<i>67,6</i>	<i>4057</i>	<i>55,3</i>
Прочие районы	780	966	123,8	595	61,6	309	51,9
<i>Всего в ЛО</i>	<i>20 042</i>	<i>11 833</i>	<i>59,0</i>	<i>7930</i>	<i>67,0</i>	<i>4366</i>	<i>55,1</i>
Санкт-Петербург	3150	5469	173,6	3980	72,8	2559	64,3

Источники: [12; 13; 18].

* Включая г. Сосновый Бор.

В постсоветский период темпы разрушения ингерманландской популяции в ЛО резко увеличились, что объясняется действием двух новых факторов, при сохранении значимости старых:

— демографический кризис в постсоветской России, резко уменьшивший и так небольшой репродуктивный потенциал финской популяции;

— массовая эмиграция ингерманландцев в Финляндию, стимулируемая, с одной стороны, причинами экономического характера, с другой — некоторым подъемом национального самосознания финнов в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века.

Из таблицы 1 видно, что за межпереписной период 1989—2002 гг. численность финнов ЛО уменьшилась на треть, а за 2002—2010 гг. — на 45 %. Таким образом, среднегодовые темпы убыли, составлявшие в 1959—1989 гг. 17,4 %, повысились до 30,3 %, а в 2002—2010 гг. — до громадных 71,7 %. Значительно сокращаются межрайонные различия масштабов и темпов убыли финского населения. Наименьшие они в Гатчинском районе (убыль за 1989—2010 гг. — «всего» 60,6 %), который является ядром этнической тер-

ритории ингерманландских финнов, а самые высокие — в периферийном Тосненском (—71,9%).

Наиболее низкие темпы сокращения численности финнов характерны для Санкт-Петербурга. Вероятнее всего, это объясняется двумя факторами: а) продолжающейся «подпиткой» петербургской популяции финнов притоком иммигрантов из области и б) несколько более молодой возрастной структурой петербургских финнов по сравнению с ЛО, из-за чего уровень смертности в Санкт-Петербурге чуть ниже областного.

Во всех районах ЛО, в том числе ингерманландских, финны представляют собой заурядное этническое меньшинство, практически не выделяющееся среди прочих. Так, даже в Гатчинском районе они занимают четвертое место по численности после русских, украинцев и белорусов. На уровне городских и сельских поселений этого района лишь в Большеколпанском, Елизаветинском, Новосветском, Пудостьском, Сяськелевском СП финны — крупнейшее этническое меньшинство, но и там их доля не превышает 4,0% (Пудостьское СП) [13]. Еще за 10 лет до этого в Гатчинском районе можно было встретить территории, где доля финнов превышала 10% [1].

Сокращение численности ингерманландского населения находит и вполне осязаемое пространственное отображение. Как известно, сеть сельских населенных пунктов российского Нечерноземья во второй половине XX в. приобрела поляризованный характер. Она представляет собой сочетание небольшого числа крупных поселений, где сосредотачивается большая часть населения и инфраструктуры (учреждения торговли, образования, здравоохранения и др.) низовой административно-территориальной единицы, с одной стороны, и большого (но постоянно сокращающегося) числа мелких деревень, практически лишенных инфраструктуры, с малочисленным постоянным населением, состоящим в основном из пенсионеров. Эта поляризация ярче выражена на периферии субъектов федерации и слабее — в их центральных частях, прилегающих к столицам областей, краев и республик.

В процессе формирования такой поляризованной сети финское население в трудоспособном возрасте в основном сосредоточилось в крупных поселениях. Удельный вес финнов здесь невысок даже в районах традиционного проживания, по большей части они являются членами этнически смешанных семей. На периферии остаются в основном люди пенсионного возраста, причем среди мелких и мельчайших населенных пунктов можно встретить селения, где доля финнов высока или даже где они абсолютно преобладают. Но из-за физического вымирания населения таких деревень они стремительно «выпадают» из ареала финского расселения, который, все более и более сужаясь, трансформируется в совокупность крупных точек (центральных поселений), где финны «растворены» в русском окружении и обречены на ассимиляцию. Альтернативой ей может быть только эмиграция в Финляндию.

Карелия в советский период стала ведущим центром расселения российских финнов. Они в ограниченном количестве появляются на

территории, ныне входящей в состав республики, в XIX столетии. Это были выходцы из Великого княжества Финляндского, переселявшиеся в Олонецкую губернию по причинам экономического характера. К 1858 г. их насчитывалось 365 человек, в 1865-м — 991, в 1883-м — 2622. К концу века число финляндцев в губернии достигло 3 тыс. и оставалось таковым до 1917 г. Однако после революции почти все уроженцы Финляндии убыли на родину [2].

После гражданской войны в Финляндии большое число потерпевших поражение «красных» финнов бежало в Россию. Несколько сот из них были направлены в Карельскую трудовую коммуну, составив значительную часть ее политической и экономической элиты. Перепись 1920 г. зафиксировала на территории Карельской АССР 990 финнов, большей частью проживавших в Петрозаводске и его уезде [6].

Следующая волна массовой иммиграции финнов в республику приходится на начало 1930-х гг., когда туда прибыли несколько тысяч переселенцев из США и Канады — потомков выходцев из Великого княжества Финляндского. Одновременно под влиянием экономического кризиса шло переселение в СССР и из Финляндии. К 1933 г. численность финнов в Карелии возросла до 12 088 человек [16], к 1937-му — до 14 024 [4, с. 94]. В дальнейшем, однако, их количество резко уменьшается. В 1938 г. карельские финны были подвергнуты репрессиям, которые приняли едва ли не истребительный характер [19]. Уже к 1939 г. численность популяции падает до 8322 человек [5]. Оставшиеся финны в период Великой Отечественной войны были выселены за пределы республики. Таким образом, в 30-е — 40-е гг. XX в. довольно многочисленная финская популяция на территории Карелии не имела никакого отношения к ингерманландцам.

Последняя по времени волна финской иммиграции приходится на конец 1940-х гг. Она включала в себя два компонента. Большую ее часть образовывали ингерманландские репатрианты, вернувшиеся в 1945 г. из Финляндии (куда они переселились в 1943—1944 гг. с оккупированной территории ЛО) и не получившие разрешения на проживание в ЛО. Не желая жить в соседних областях Нечерноземья, эта группа репатриантов предпочла переехать в Карелию, куда их привлекало республиканское правительство для использования в местной лесозаготовительной промышленности [3; 10]. Сравнительно небольшую часть мигрантов составили финны, выселенные в 1942 г. из-под Ленинграда в восточные районы СССР. Позиция советских властей по отношению к финнам-спецпоселенцам после войны несколько смягчилась, и части из них был разрешен переезд из мест ссылки (в азиатской части СССР) в Карелию.

Перепись 1959 г. зафиксировала на территории Карелии 27 829 финнов — больше, чем в Ленинграде и ЛО. В дальнейшем численность популяции устойчиво снижалась, достигнув к 1989 г. отметки в 18 420 человек (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика численности и размещения финского населения Карелии
в 1989—2010 гг.**

Район	1989	2002		2010	
		чел.	% к 1989	чел.	% к 2002
г. Петрозаводск	9359	7383	78,9	4493	60,9
Пряжинский	1736	1141	65,7	672	58,9
Кондопожский	1497	1192	79,6	755	63,3
Прочие районы	5828	4440	76,2	2657	59,8
<i>Всего в Карелии</i>	<i>18 420</i>	<i>14 156</i>	<i>76,9</i>	<i>8577</i>	<i>60,6</i>

Источники: [8; 11; 14].

Как и в ЛО, в Республике Карелия (РК) происходит быстрое сокращение численности финнов. Темпы этого процесса также ускорились в 1990-е гг. и еще более существенно — в 2000-е. Они весьма велики, но все же несколько ниже, чем у финнов Санкт-Петербурга и ЛО. Это связано с несколько более благоприятной демографической ситуацией у карельских финнов по сравнению с территорией традиционного проживания ингерманландцев. Причина этого, в свою очередь, несколько менее «старая» возрастная структура карельской популяции финнов по сравнению с проживающими в ЛО и Санкт-Петербурге. По данным переписи 2002 г., доля лиц старше трудоспособного возраста у финнов Карелии составляла 27,8%, в ЛО — 40,4%, в Санкт-Петербурге — 31,6%. Медианный возраст финнов РК составлял 43,8 года, ЛО — 51,0, Санкт-Петербурга — 47,6 [7]. К 2010 г. эти показатели существенно ухудшились, но ранжировка регионов по ним осталась, по-видимому, неизменной³.

Ключевая географическая особенность ареала карельских финнов — заметная концентрация этноса в столице республики Петрозаводске. Уже в 1959 г. в нем было сосредоточено около трети карельских финнов, а к 1989 г. эта доля превысила половину. К 2010 г. в столице проживало 52,3% карельских финнов. Подобная особенность территориальной организации популяции явно способствует активизации ассимиляционных процессов. Этим, видимо, объясняется, достаточно медленный темп роста удельного веса петрозаводских финнов в общей численности карельской популяции этого народа.

Вообще карельские финны — наиболее высокоурбанизированная территориальная группа этноса на постсоветском пространстве. Доля горожан среди финнов РК достигает 77%. Для сравнения: в Санкт-Петербурге и ЛО этот показатель равен лишь 55%. Данная особенность объясняется причинами исторического характера: в конце 1940-х гг.

³ По данным 2010 г., медианный возраст финнов РК возрос более чем на 7 лет по сравнению с 2002 г. и достиг 51,0 года. К сожалению, ни Росстат, ни Петро-стат не опубликовали аналогичных данных по ЛО.

финны переезжали для работы именно в промышленности, то есть в городские поселения. Автохтонного же сельского населения здесь (в отличие от ЛО) практически не было.

Среди прочих районов РК финны наиболее многочисленны в тех, которые непосредственно прилегают к Петрозаводску, — Пряжинском и Кондопожском. В первом из них некогда доля финнов превышала 14%, а в городских поселениях Пряжинского района достигала даже 32% (в 1959 г.). В дальнейшем она постепенно снижалась и в настоящее время составляет лишь 4,6%. Это, заметим, рекордно высокая доля финнов в масштабах муниципального района. В ЛО столь значительного удельного веса финнов не имеет ни одно сельское или городское поселение. В остальных районах Карелии этот показатель еще ниже. В Кондопожском районе он составляет 1,9%; в Питкярантском, Прионежском и Муезерском районах он также превышает 1%. В Пряжинском районе финны являются крупнейшим этническим меньшинством, в прочих же районах занимают не выше четвертой позиции [11].

Приведенный выше анализ не будет исчерпывающим, если его не дополнить сведениями, касающимися состояния и эволюции ареала расселения ингерманландцев в соседних государствах, где их численность достаточно велика, — Эстонии и Финляндии. В *Финляндии* в постсоветский период в результате миграционных процессов фактически сформировался четвертый очаг расселения финнов-ингерманландцев. По финляндским данным, с 1992 по 2013 г. положительное сальдо миграционного обмена с Россией составило 46,2 тыс. человек⁴. Кроме того, из Эстонии в Финляндию за 1991—2013 г. прибыло еще 44,3 тыс. человек. К 2013 г. в стране проживало 53,7 тыс. уроженцев СССР, 39,5 тыс. — Эстонии и 11,1 тыс. — России [24].

Материалы Центра статистики Финляндии не позволяют вычленил из этого мощного (по финляндским меркам) иммиграционного потока собственно финнов. В Финляндии этническая статистика как таковая вообще не ведется, учитывается лишь языковая структура населения. При этом сведений о языковой структуре иммигрантов не публикуется, да и ценность этих данных невелика, учитывая, что финский язык является родным далеко не для всех ингерманландцев. С другой стороны, финнов, покинувших Россию и Эстонию, по мнению автора настоящей работы, можно считать выпавшими из ингерманландской субэтнической общности. Эмиграция в Финляндию для них — это реинкорпорация в состав «материнского» этноса как альтернатива неизбежной ассимиляции и аккультурации на постсоветском пространстве. Поэтому эмиграцию в Финляндию мы рассматриваем лишь как еще один вариант аккультурации ингерманландцев, который приносит данной субэтнической группе такую же количественную убыль, как и обрусение и эстонизация.

⁴ По сведениям Росстата, эта величина примерно втрое ниже. Однако среди специалистов преобладает мнение, что иммиграция в стране прибытия учитывается гораздо точнее, нежели эмиграция в стране убытия. Поэтому мы опираемся на финляндские, а не российские данные.

Если финляндская статистика не позволяет выделить ингерманландцев из прочих иммигрантов из России и Эстонии, то Департамент статистики *Эстонии* публикует достаточно подробные и разнообразные сведения, позволяющие анализировать особенности территориальной организации финского населения этой страны.

Финны проживают на эстонской территории в течение длительного времени, но вплоть до середины XX в. численность их была крайне незначительной — не больше нескольких сот человек. Так, переписью 1897 г. в границах современной Эстонии был учтен 461 финн (по данным о родном языке), в том числе в Ревеле (Таллине) 274, в Нарве — 99 [15]. Перепись 1934 г. зафиксировала на территории республики 1088 финнов, большая часть которых, однако, проживала на восточном берегу реки Нарва, ныне относящемся к ЛО. В Таллине насчитывалось 258 финнов, в Нарве 145 [22, лк. 48]. После окончания Великой Отечественной войны финская популяция, проживающая на территории Эстонской ССР, резко увеличилась за счет иммигрантов из РСФСР. После введения запрета на проживание финнов в ЛО (1947) многие из них, не желая жить в отведенных им для расселения смежных с ЛО областях, массово переселяются в Эстонию [10]. В результате этого процесса в конце 40-х — начале 50-х гг. XX столетия на территории этой республики формируется третий по величине очаг расселения финнов СССР.

По данным переписи 1959 г., в ЭССР насчитывалось 16 699 финнов, 1970 г. — 18 537 [21]. Миграционный приток финнов в Эстонию довольно быстро прекратился (в отличие от представителей восточнославянских народов), и численность их стала уменьшаться под действием ассимиляционных и аккультурационных процессов. Влияние их дало себя знать очень быстро, прежде всего в сфере языка.

Уже в 1959 г. лишь 59,8% эстонских финнов назвали родным финский язык. Вторым по распространенности к этому времени стал эстонский (а не русский, как можно было бы ожидать) — его назвали родным 24,0% финнов (русский — лишь 16,1%). К 1989 г. эстонский язык вышел на первое место по распространенности среди финнов — как родной его указали 40,8% популяции (финский — 31,0%, русский — 28,1%). В городах, впрочем, на первом месте был русский язык, и лишь на втором — эстонский, в сельской же местности на эстонском говорили более половины финнов [21, лк. 100—115].

К 1979 г. численность финнов сократилась до 17 753 человек, к 1989-му — до 16 622 [21, лк. 56]. В постсоветский период демографический кризис и эмиграция в Финляндию привели к значительному ускорению процессов деструкции финской популяции. К 2000 г. численность финнов уменьшилась до 11 837 человек (на 28,8% по сравнению с 1989 г.), к 2011-му — до 7589 [23]. Следовательно, если в 1979—1989 гг. среднегодовые темпы убыли финской популяции составляли 6,6%, то в 1989—2000 гг. они возросли до 30,4%, а в 2000—2011 гг. — до 43,5%.

Нельзя, однако, не отметить, что темпы сокращения численности финнов в Эстонии несколько ниже, чем в Карелии, ЛО и Санкт-Петербурге. Вообще демографический кризис, охвативший государства ев-

ропейской части бывшего СССР в постсоветский период, в Эстонии проявился значительно мягче, чем в России. В первое десятилетие XXI в. республика по численности финской популяции опередила соседний российский регион — историческое ядро ареала расселения ингерманландцев.

Сформировавшийся в результате миграционных процессов середины XX в. ареал расселения в Эстонии финнов имеет много общего с ареалом русского населения этой республики. Наиболее крупные территориальные группы финнов сложились в «подстоличном» уезде Харьюмаа, а также на Северо-Востоке Эстонии — в уездах Ида-Вирумаа и Ляэне-Вирумаа. К 1989 г. в Вирумаа было сосредоточено 31,7% финнов Эстонии, в Харьюмаа — 30,1% (в том числе в Таллине — 19,7%). Еще 11,9% были расселены в уезде Тартумаа, прилегающем ко второму по величине городу республики. Остальные 26,3% финского населения оказались более или менее равномерно разбросаны по прочим эстонским уездам. За постсоветский период в географическом распределении эстонских финнов произошли некоторые изменения. Доля Северо-Востока к 2011 г. понизилась до 25,7%, а удельный вес Харьюмаа, напротив, вырос до 38,2%. Таким образом, столица Эстонии и ее уезд стали ведущим регионом проживания эстонских финнов. Доля Тартумаа повысилась до 12,8%, прочих уездов — понизилась до 23,3%.

Разумеется, ни в одном уезде или городе финны не имеют сколь-нибудь заметного удельного веса в общей численности населения: ни в одной низовой административной единице он не превышает 2%, а в большинстве волостей измеряется долями процента. Городов и волостей, где доля финнов больше 1%, весьма немного — не более двух десятков, и преимущественно это города. Уровень урбанизированности среди финнов Эстонии довольно высок (71,4%), хотя и несколько уступает аналогичному показателю Карелии.

Такая особенность расселения делает популяцию (как и в России) крайне уязвимой для процессов генетической ассимиляции, которая и стала главным фактором сокращения численности эстонских финнов, начавшегося в 70-е гг. XX в.

Демографическая ситуация у эстонских финнов крайне неблагоприятна и вполне типична для малочисленной и активно ассимилируемой этнической общности. В возрастной ее структуре, по данным переписи 2011 г., 48,4% приходилось на долю лиц старше трудоспособного возраста [23]. Следовательно, в этом отношении ситуация существенно более неблагоприятна, чем в Карелии.

За период с 1989 по 2012 г. включительно в Эстонии родилось 1905 финнов, умерло 6239 [23]. Таким образом, только за счет депопуляции численность финнов уменьшилась на 4334 человека — более четверти от их общего числа в 1989 г. Индекс Уипля (число родившихся на 100 умерших) у финнов в среднем за 1989—2012 гг. составил лишь 31.

Уровень эндогамии, выступающий чрезвычайно важным показателем устойчивости популяции, у эстонских финнов крайне низок. За 1989—2013 гг. от эндогамных браков родилось лишь 84 человека —

4,34% от общего числа детей в финских семьях. Все остальные рождены от смешанных браков. В некоторые постсоветские годы рождений от эндогамных браков среди финнов вообще не было [23].

Эстонская статистика определяет национальный состав населения не только путем всеобщих переписей, ведется и текущий учет этнической структуры, основанный на материалах учета демографических событий и миграции населения. Сравнивая данные двух методов учета, можно приблизительно оценить масштабы ассимиляционных процессов в популяции. Перепись 2011 г. учла в республике 7589 финнов, а текущий учет, отталкивавшийся от итогов переписи 2000 г., определил их число в 10 369, или на 36,6% больше. Безусловно, некоторая часть этого несовпадения объясняется неучтенной эмиграцией финнов, но основная причина столь большой разницы — процессы генетической и культурной ассимиляции⁵, которую текущий учет зафиксировать никак не в состоянии. Итак, ассимиляционные процессы только за 2000—2011 гг. привели к сокращению численности эстонских финнов примерно на треть. Их влияние на динамику численности финнов оказалось значительно более сильным, нежели депопуляции.

Ассимиляция финнов в Эстонии протекает по двум направлениям — эстонизация и обрусение. К сожалению, эстонская статистика не публикует достаточно данных, позволяющих судить о преобладании того или иного направления. Имеющиеся материалы дают возможность выявить следующие пространственные различия этого процесса:

— сельско-городские различия: в городских поселениях преобладает ассимиляция в направлении обрусения, в сельской местности, напротив, доминирует эстонизация. По данным переписи 2011 г., в городских поселениях русский язык назвали родным 41,7% финнов, эстонский — 25,7%, финский — 31,1%. В сельской местности ситуация иная: русскоязычных лишь 16,0%, а эстоноязычных — 52,3%. Финский язык является родным лишь для 30,7% селян-финнов;

— западно-восточные различия: в Харьюмаа и Тартумаа преобладает эстонизация, а в Вирумаа, где финны живут в русском этническом окружении, определяющим направлением является ассимиляция русскими.

Итак, анализ новейших тенденций демографического развития финского населения на территориях ЛО, Санкт-Петербурга, Карелии и Эстонии демонстрирует резкое усиление негативных трендов данного процесса в новом столетии по сравнению с 1990-ми гг. и тем более предыдущими периодами времени. Самые низкие темпы сокращения численности финнов наблюдаются в Эстонии, самые высокие — в ЛО, различаются между собой эти два крайних варианта по данному показателю почти вдвое. На более детальном уровне административно-территориального деления самым благополучным с демографической точки зрения для финнов является эстонский подстоличный уезд Харьюмаа, а

⁵ По данным переписи 2011 г., численность всего населения республики оказалась лишь на 3,5% ниже, чем предполагалось по результатам текущего учёта.

на противоположном полюсе находится периферия ареала традиционного расселения ингерманландцев в ЛО.

Несмотря, однако, на довольно заметные территориальные различия, основная тенденция прослеживается вполне однозначно на всех территориях проживания финского расселения — это усиливающийся демографический коллапс, который уже в ближайшие десятилетия приведет к тому, что финны повторят судьбу других малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России. Решительный перелом этой тенденции представляется совершенно невозможным. При сохранении темпов убыли, характерных для первого десятилетия XXI в., к 2020 г. численность финнов в ЛО и Санкт-Петербурге уменьшится до 3,5 тыс. человек, в Карелии — до 4,6 тыс., в Эстонии — до 5,3 тыс. К середине текущего столетия количество российских финнов, вероятно, будет измеряться уже сотнями, а не тысячами человек в пределах каждого из вышеупомянутых субъектов Российской Федерации. Более 1 тыс. человек будет насчитывать, по-видимому, лишь популяция эстонских финнов.

Отметим синхронность «угасания» двух этнотерриториальных групп, обязанных своим рождением Столбовскому мирному договору 1617 г. Карелы, переселившиеся с отошедших к Швеции земель в Россию и осевшие на тверских землях (тверские карелы), еще накануне Великой Отечественной войны по численности опережали карел, проживавших в пределах Карельской АССР. Однако в послевоенный период численность их стала быстро сокращаться, в значительной степени под влиянием аккультурационных процессов. С 1939 по 2010 г. их количество уменьшилось с 120,0 тыс. до 7,4 тыс. (в 16 раз!). Как общая численность, так и масштабы ее сокращения у карел и финнов весьма схожи. В настоящее время демографическая ситуация в субэтнической группе карел еще более неблагоприятна, нежели у российских финнов, так как негативные тенденции у тверских карел стали проявляться несколько раньше и более резко, чем у финнов. Однако в долгосрочной перспективе эти временные различия несущественны и можно считать, что две данные эмигрантские группы как возникли, так и пришли к своему исчезновению практически одновременно.

Список литературы

1. Анохин А.А., Хрущёв С.А. Автохтонные этноконттактные зоны Северо-Запада России: современное состояние, динамика и прогноз // Геоэкологический мониторинг: теория и практика : сб. науч. ст. по материалам отчетной науч.-практ. конф. 2002 г. / под ред. В.В. Дмитриева, И.О. Шилова. СПб., 2003. С. 144—164.
2. Бирин В.Н., Такала И.Р. Финны // Народы России : энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.
3. Бирин В.Н. Финны в Карелии. URL: <http://knk.karelia.ru/site/birin/birin.pdf> (дата обращения: 01.03.2014).
4. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов / сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков [и др.]. М., 1992.

6. Золотарёв Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карелии. С 54 цифровыми табл. и 3 этнографич. картами. Л., 1927. (Труды КИПС АН СССР. 12).
7. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. 3: Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990.
9. Логинова Н. П., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов России // *Финно-угорский мир*. 2013. № 3 (16). С. 89—97.
10. Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004.
11. *Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года*. Т. 5. Петрозаводск, 2013.
12. *Национальный состав и владение языками, гражданство населения Ленинградской области: итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*. Вып. 7. СПб., 2007.
13. *Национальный состав и владение языками, гражданство населения Ленинградской области: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года*. Ч. 1. СПб., 2013.
14. *Национальный состав населения Республики Карелия* : стат. сб. Т. 5. Петрозаводск, 2005.
15. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 28 января 1897 года* / под ред. Н. А. Тройницкого. 37: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1903.; 49: Эстляндская губерния. СПб., 1905.
16. *Перепись населения АКССР 1933 г.* Вып. 1: Народность, возраст, грамотность, язык, самодеятельность. Петрозаводск, 1934.
17. *Распределение населения Ленинграда и Ленинградской области по национальности и родному языку: по материалам Всесоюзной переписи 1989 г.* Л., 1990.
18. Ступин Ю. А. Финское население Ленинградской области в XX веке: динамика численности и размещения // *Теория и практика эколого-географических исследований (Итоги научной работы Учебно-научного центра географии и геоэкологии в 2004 году)* / под ред. В. В. Дмитриева, А. И. Чистобаева, Т. А. Алиева [и др.]. СПб., 2005. С. 488—506.
19. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.
20. Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2011. № 3. С. 111—125.
21. *Eesti rahvastik rahvaloenduste andmetel*. I. Tallinn, 1995.
22. *Rahvastiku koostis ja korteriolud: 1.III 1934 rahvaloenduse andmed*. Vihk II. Tallinn, 1935.
23. *Департамент статистики Эстонии*. URL: <http://pub.stat.ee> (дата обращения: 12.04.2014).
24. *Центр статистики Финляндии*. URL: <http://tilastokeskus.fi> (дата обращения: 12.04.2014).

Сведения об авторе

Ступин Юрий Александрович, инженер, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: stu77@yandex.ru

THE EVOLUTION OF SETTLEMENT AREAS OF INGRIAN FINNS IN NORTHWEST RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Y. Stupin*

*Saint Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 7199034, Russia

Submitted on May 15, 2014

Based on the nation-wide censuses conducted between 1959 and 2010 in the Soviet Union and in the Russian Federation, as well as on the contemporary data of the Estonian Department of Statistics, the author of this article studies the spatial aspects of the dynamics of the ethnic area of Ingrian Finns within their main settlement area. This is done through utilizing ethnicity-related statistical data of the district at the lowest level of administrative division. The author emphasises a significant increase in the rates of degradation of the Ingrian settlement area in the post-Soviet period, identifies the factors behind it, and considers district differences in the rates of depopulation and assimilation of the Russian Finns. The results of research make it possible to foreground and describe in detail the available information on the spatial organisation of Russian Finnish population in the North-western region of Russia.

Key words: Ingrian Finns, ethnic settlement, Russian Northwest

References

1. Anokhin, A. A., Khrushchev, S. A. 2003, Avtohtonnye jetnokontaktnye zony Severo-Zapada Rossii: sovremennoe sostojanie, dinamika i prognoz [Autochthonous ethnic contact zone of the North-West of Russia: current status, dynamics and forecast]. In: Dmitriev, V. V., Shilov, I. O. (eds.), *Geojekologicheskij monitoring: teorija i praktika*, [Geo-ecological monitoring: Theory and Practice], collection of scientific articles based on the reporting of scientific and practical conference, St. Petersburg, 2002, p. 144—164.
2. Birin, V. N., Takala, I. R. 1994, Finy [Finns]. In: Tishkov, V. A. (Ed-in-Ch), *Narody Rossii* [The peoples of Russia], Moscow.
3. Birin, V. N. *Finny v Karelii* [Finns in Karelia], available at: <http://knk.karelia.ru/site/birin/birin.pdf> (accessed: 01.03.2014).
4. Zhiromskaya, V. B., Polyakov, Yu. A. et al. 2007, *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda: obshhie itogi* [Census of 1937: overall results], collection of documents and materials, Moscow, Rosspen, 318 p.
5. Polyakov, Yu. A. et al. 1992, *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda: osnovnye itogi* [Census of 1939: main outcomes], Moscow, 254 p.
6. Zolotarev, D. A. 1927, *Jetnicheskij sostav naselenija Severo-Zapadnoj oblasti i Karelii* [The ethnic composition of the population of the North West region and Karelia], Leningrad, 117 p.

7. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda [Results of the National Population Census 2002], in 14 volumes, T. 4, Vol. 1 *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo* [National structure and language skills, citizenship], 2004, Moscow, 945 p.

8. Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 goda [Results of the All-Union population census of 1989]. Vol III. *Nacional'nyj sostav naselenija Karel'skoj ASSR* [The ethnic composition of the Karelian ASSR], 1990, Petrozavodsk, November 1990.

9. Loginova, N.P., Rebrova, T.P. 2013, Dinamika chislennosti finno-ugorskih narodov Rossii [Dynamics of the number of Finno-Ugric peoples of Russia], *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], no. 3 (16), p. 89—97.

10. Musaev, V.I. 2004, *Politicheskaja istorija Ingermanlandii v konce XIX — XX veke* [Political history Ingermanlandii at the end of XIX — XX century], St. Petersburg, 450 p.

11. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda* [National structure and language skills, citizenship. Results of the National Population Census 2010], 2013, Vol. 5. Petrozavodsk, 233 p.

12. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Leningradskoj oblasti: Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda* [National structure and language skills, citizenship of the Leningrad Region: Results of the National Population Census 2002], 2007, Vol. 7, St. Petersburg, 197 p.

13. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Leningradskoj oblasti: Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda* [National structure and language skills, citizenship of the Leningrad Region: Results of the National Population Census 2010], 2013, Part. 1, St. Petersburg, 266 p.

14. *Nacional'nyj sostav naselenija Respubliki Karelija* [The ethnic composition of the Republic of Karelia], 2005, Vol. V, Petrozavodsk.

15. Troinitskii, N. A. (ed.), 1903, *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire 28 January 1897], Vol. 37. Sankt-Peterburgskaja gubernija [St. Petersburg Province]. St. Petersburg, XX, 265 p.

16. Troinitskii, N. A. (ed.), 1905, *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire 28 January 1897], Vol. 49. Jestljandskaja gubernija [Estonian province], St. Petersburg, XVIII, 125 p.

17. *Perepis' naselenija AKSSR 1933* [Population Census 1933 AKSSR], 1934, Vol. 1. Narodnost', vozrast, gramotnost', jazyk, samodejatel'nost' [Nationality, age, literacy, language, amateur], Petrozavodsk.

18. *Raspredelenie naselenija Leningrada i Leningradskoj oblasti po nacional'nosti i rodnomu jazyku: po materialam Vsesojuznoj perepisi 1989* [Distribution of the population of Leningrad and Leningrad region by nationality and native language: Based on the All-Union census of 1989], 1990, Leningrad.

19. Stupin, Yu. A. 2005, Finskoe naselenie Leningradskoj oblasti v XX veke: dinamika chislennosti i razmeshhenija [Finnish population of the Leningrad region in the XX century: population dynamics and placement]. In: Dmitriev, V.V., Chistobaev, A.I., Aliyev, T.A., Shilov, I. O. (eds.), *Teorija i praktika jekologo-geograficheskijh issledovanij* (Itogi nauchnoj raboty Uchebno-nauchnogo centra geografii i geojekologii v 2004 godu) [Theory and practice of ecological and geographical studies (Results of research the University Centre of Geography and Geo in 2004)], St. Petersburg, p. 488—506.

20. Takala, I. R. 2002, *Finny v Karelii i v Rossii: Istorija vznikovenija i gibeli diaspory* [Finns in Karelia in Russia: History and death of the Diaspora], St. Petersburg, 172 p.

21. Fauzer, V. V. 2011, Finno-ugorskie narody v sovremennom mire [Finno-Ugric peoples in the modern world], *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], no. 3, p. 111—125.

22. *Eesti rahvastik rahvaloenduste andmetel*, 1995, I. Tallinn, Eesti statistikaamet, 263 lk.

23. *Rahvastiku koostis ja korteriolud*, 1935, 1.III 1934 rahvaloenduse andmed. Vihk II. Tallinn: Riigi statistika keskbüroo, VIII, 151 lk.

24. *Statistics Estonia*, available at: <http://pub.stat.ee> (accessed: 12.04.2014).

25. *Statistics Centre of Finland*, available at: URL: <http://tilastokeskus.fi> (accessed: 12.04.2014).

About the author

Yuri Stupin, Department of Regional Politics and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: stu77@yandex.ru